

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. Н. С. Мурашова
г. Новосибирск, Россия

ПЕРСОНОСФЕРА СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ДУХОВНОГО СТИХА

Статья подготовлена при поддержке РГНФ проект № 15-04-00113
«Духовный стих в традиционной культуре старообрядцев»

Аннотация: Духовный стих как вид художественного творчества отличается собственной жанровой персоносферой, которая была значительно расширена старообрядческими авторами. Анализ персонажной сферы старообрядческого репертуара в контексте системы персонажей общерусских образцов свидетельствует об определенной автономности и самодостаточности метажанра старообрядческого духовного стиха. Рассмотрены ветхозаветная, новозаветная, агиографическая, апокрифическая и историческая группы персонажей. Специфическими для старообрядческих памятников являются исторические действующие лица — участники событий, обусловленных расколом церкви. При этом реальные герои утрачивают свою подлинность, превращаясь в художественных персонажей, которых можно соотнести с определенными персонажными типами: мучеников, христианских просветителей и знатоков вероучения, пустынножителей, аскетов, божьих угодников, чудотворцев и противостоящих им гонителей, лжеучителей, вероотступников и т. д. Типизация позволяет персонажей из мира старообрядцев поставить в один ряд с библейскими героями и христианскими святыми. В духовных стихах совершается народная канонизация ревнителей древнего благочестия. При всей многочисленности персоносферы в качестве метаперсонажей, аккумулирующих вокруг себя остальных героев, выступают праведник и грешник как выразители христианской аксиологии. Персоносфера старообрядческих духовных стихов отражает систему общехристианских ценностных координат и в то же время выступает способом религиозной идентификации ревнителей древнего благочестия и средством сохранения их этноконфессионального своеобразия. Собирая вокруг себя остальных героев, праведник и грешник выступают как выразители христианской аксиологии. Персоносфера старообрядческих духовных стихов отражает систему общехристианских ценностных координат и в то же время выступает способом религиозной идентификации ревнителей древнего благочестия и средством сохранения их этноконфессионального своеобразия.

Ключевые слова: духовный стих, старообрядцы, персоносфера, персонажные типы.

Информация об авторе: Наталья Сергеевна Мурашова — кандидат искусствоведения, доцент, Новосибирский государственный педагогический универси-

тет, ул. Вилюйская, д. 28, 630126 г. Новосибирск, Россия. E-mail: 2107542@mail.ru

Дата поступления статьи: 13.03.2017

Дата публикации: 15.09.2017

Персоносферу как категорию культуры впервые исследовал Г. Г. Хазагеров. По мысли ученого, персонифера — это «сфера литературных, исторических, фольклорных, религиозных персонажей», которая свойственна «тому или иному культурному ареалу» [18, с. 133]. Представители различных культурных ареалов вступают в определенные отношения с субъектами персониферы, разделяя их на положительных и отрицательных, на тех, кто выражает их ценности, и тех, кто является носителем антиценностей. В нашей работе мы обратились к старообрядческому социуму, чья персонифера в концентрированном виде аккумулирована в духовных стихах и наряду с геокультурными и темпоральными представлениями отражает картину мира носителей древнего благочестия. Изучение персониферы помогает получить представление об аксиологических ориентирах и целях развития старообрядческого культурного ареала.

В духовном стихе, как и в некоторых других видах традиционной художественной культуры (былинах, сказках), система персонажей выступает одним из способов жанрового маркирования. Тем самым духовный стих отличается собственной жанровой персониферой.

Целью статьи является характеристика персонажной сферы старообрядческих стихов духовного содержания в контексте системы персонажей общерусских образцов внебогослужебного духовного пения. Важно выявить наиболее распространенных, а также встречающихся только в старообрядческом репертуаре действующих лиц, чтобы доказать самодостаточность и определенную автономность метажанра старообрядческого духовного стиха.

Изначально систему персонажей духовному стиху дала христианская книжность, отчасти ее обогатил фольклор, наконец, она была дополнена реальными историческими личностями, в основном связанными с расколом церкви и дальнейшими гонениями староверов со стороны официальной власти. Христианские и фольклорные персонажи распространены в общерусских духовных стихах, а исторические герои во многом определяют своеобразие персониферы старообрядческого репертуара.

Поскольку духовный стих отличается многочисленностью персонажей, возникает необходимость их систематизации. Частично она предпринимается в исследовании Г. П. Федотова, объединяющего стихи в четыре тематические группы, две из которых связаны с персонажной сферой: о небесных силах, посвященные Пресвятой Троице, Христу, Богородице, ангелам и святым; о Матери-Земле. Федотов не ставил специальной задачи выявления полного круга персонажей, поэтому при характеристике других тематических разделов герои упоминаются, но не объединяются в группы [17].

А. В. Кудрявцева в цикле лекций о духовных стихах выделяет ветхозаветных героев (Адама, Иосифа), Христа, Богородицу, святых воинов Федора Тирянина и Егория Храброго, святых мучеников (Галактиона и Епистимию, Кирика и Улиту, Егория), пустынников и аскетов (Алексея человека Божия и Иосафа-царевича), святых, прославившихся посмертными чудотворениями (Николая Чудотворца и Димитрия Солунского) и, наконец, грешников [6].

В сборнике «Духовные стихи Воронежского края» частично применен принцип распределения текстов по главным героям. Среди прочих выделены персонажи из Ветхого завета, Христос, Богородица, святые мученики и чудотворцы (Алексей Божий человек, Георгий Победоносец, Варвара, Николай Чудотворец, Пантелеймон Целитель, Митрофан Воронежский, Тихон Задонский, Серафим Саровский, Ксения Петербургская) [4].

Наиболее последовательно классификация духовных стихов по персонажам представлена в сборниках Ф. М. Селиванова. В «Стихах духовных» 1991 г. составитель выявляет два цикла — о героях и аскетах [12]. В собрании 2004 г. он группирует героев по следующим типам: персонажи Ветхого Завета (Адам, Каин и Авель, Осип Прекрасный, Самсон-богатырь), евангельские персонажи (Христос, Богородица, Аллилуева жена), змеборцы (Федор Тирон, Егорий), мученики (Кирик и Улита, Галактион и Епистимия, Варвара), подвижники (Алексей Божий человек, Иосаф и Варлаамий, Онуфрий), чудотворцы (Агрик и его сын Василий, Микола Угодник, Дмитрий Солунский), Мать сыра земля, праведники и грешники (Два Лазаря, Марка богатый, Мария Египетская, Аника-воин), герои древнерусской истории (Борис и Глеб, Князь Владимир и его сыновья, Александр Невский, Михаил и Федор Черниговские, Петр митрополит, Димитрий Донской) [11].

Прослеживается тенденция выделения персонажных групп в зависимости от сюжетного источника текстов. Нам кажется такой подход наиболее убедительным в первую очередь в отношении эпических духовных стихов. В их повествовательных текстах описываются действия персонажей Ветхого и Нового Заветов, святых, представляющих различные лики святости, реальных исторических лиц. Большая часть персонажей духовных стихов имеет книжное происхождение, их источники — тексты Священного Писания, произведения святоотеческой литературы, агиография, переводные средневековые сочинения, апокрифы.

В стихах из старообрядческого репертуара можно выделить следующие персонажные группы: 1) ветхозаветная; 2) новозаветная; 3) агиографическая; 4) апокрифическая; 5) историческая. Все группы включают примерно равное количество героев, при том, что степень распространенности сюжетов, связанных с источниками их происхождения, неодинакова¹.

Группа ветхозаветных персонажей представлена следующими действующими лицами: Адам и Ева, Каин и Авель, Ной, Лот и его жена, Авраам (Абрам) и Исаак (Исаф), Агарь, Иаков (Яков), Иосиф и его братья, Иов². Библейскими персонажами второго плана являются Геден, моавитянка Руфь, боговидец Моисей, иерусалимские пленники, пророки, в том числе, персонифицированные именами Илии, Давыда, Софонии, Захарии, Исайи, два вавилонских царя: безымянный, воздвигший золотого ис-

¹ Материалом для исследования послужил составленный автором сводный каталог духовных стихов из репертуара старообрядцев (всего 1192 памятника), представляющих 27 региональных коллекций. Свод создан на основе 130 информационных источников: публикаций, дисков, Интернет-ресурсов, рукописей, хранящихся в ГПНТБ СО РАН, Институте истории СО РАН, материалов из Архива традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории, Архива Лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета, Архива Астраханского Областного методического центра народной культуры, личного архива Н. С. Мурашовой.

² Здесь и далее в скобках приводятся варианты написания имен персонажей или их синонимичных номинаций из разных стиховников — рукописных сборников духовных стихов из старообрядческого обихода.

тукана, и Валтасар. Наибольшее распространение получили стихи об Адаме, основным мотивом которых является изгнание его из рая.

Главные персонажи ветхозаветных стихов происходят из книги Бытия, за исключением Иова, связанного с одноименной книгой. Второстепенные персонажи обязаны своим происхождением книгам Исход (Моисей), Судей Израилевых (Гедеон), Руфи (одноименный персонаж), Царств (Илия, Давыд), пророков Исаяи, Софонии, Захарии, которые и стали героями стихов. Из книги пророка Даниила в духовный стих попал вавилонский царь.

Группу новозаветных персонажей образуют: Христос, Богородица, родители Девы Марии, Иоанн Предтеча (Креститель), Иосиф, Ирод, волхвы (мудрецы, старцы) Гаспар, Мельхиор и Валтасар, пастухи и пастыри в рождественских сюжетах, Закхей, праведный Лазарь, Лазарь богатый и бедный, Иосиф с Никодимом, апостолы как группа учеников Христа и персонифицированные образы апостолов Петра, Иоанна, Павла, Иакова, Клеопы, Луки, Фомы, Зилота и Иуды, самарянка, архангел Гавриил в сюжете Благовещения, блудный сын (богатый человек и его два сына), Магдалина, (Понтийский) Пилат, Дисма (благоразумный разбойник Дисмас), виноградарь (садовник) и хозяин (господин) из притчи о неплодной смоковнице, мироносицы жены. Среди фоновых персонажей — иудеи, старейшины, книжники и фарисеи, гости на пиру в Кане Галилейской.

Главным персонажем духовных стихов является Христос, именуемый в текстах: Владыка Христов Царь Небесный, Господи Премилосердный, Исус, Прекрасный Исусе, Мессия, Пастырь мой, Сын Божий, Искупитель, Небесный Гость, Сладчайший Назарей, Создатель, Спасе, Спаситель, Учитель, Царь царей, Царь всей земли, Жених; в рождественских стихах: младенец, малютка, младенец-Бог; для Божьей Матери: Сын бесценный, Сын сладчайший.

Далее по распространенности следует Богородица, имеющая в стихах множество номинаций, группирующихся вокруг лексем дева, мать, царица-владычица:

— Всепетая Дево вечная, Дево чудная Всесвятейшая, Дева Пресвятая, Пресвятая Богородица Девица, Дева Мария, Дева чистая святая, Вечная дева чудная;

— Богоматерь, Матерь нежная, Матерь Пресвятая, Пречистая Матерь, Матерь Бога, Матерь Божия Мария, Матерь неба и земли, Мати милосерда, Мати Благословенная от всех родов избранная, Матерь Всепетая, Матерь Всесильная, Матерь Господа, Матерь нежная сердобольная, Мать Марешюшка, Матушка Мареша, Святая Мать великого царя;

— Царице Пречистая, Царица Небесная, Чудная Царица Богородица, Владычица.

Встречаются номинации, объединяющие два признака: Дева Мать, Девица всем царица. В единичных примерах Богородица именуется как Дщерь Небесного Отца и Заступница.

Распространенными евангельскими персонажами являются Иоанн Предтеча, блудный сын, Ирод, Иуда, Лазарь богатый и бедный, Иосиф, волхвы. Остальные относятся к редко встречающимся в духовных стихах. В целом, новозаветные персонажи связаны со всеми ключевыми событиями, представленными в четырех Евангелиях и Деяниях святых апостолов.

Следующую группу образуют агиографические персонажи, попавшие в духовные стихи из житийных сюжетов. Их можно разделить на несколько подгрупп в зависимости от ликов святости:

1) мученики и великомученики: Федор Тиро(и)н (Хиринец), Егорий Храбрый, Василий, пресвитер Анкирский; Варвара, Климент, папа Римский; Параскева (Парасковия), мученики как фоновые герои;

2) святители: Никола (святитель Николае, угодник Божий — помощник молящимся, чудотворец Николай, праведный Николаю, Христов святитель Николай), Иоанн Златоуст (Иван-архиепискуп), Киприян чудотворец, Василий Кесарийский;

3) преподобные: Варлаам и Иоасаф(е) (Асаф, Асафей-царевич, Осаф-царевич, Иоасаф царь индийский), Серапион Синдонит; Мартемьян (Мартиниан) и Зоя, Алексей человек Божий (сопутствующие персонажи: отец Евфимиан (Амфианий), мать Аглаида, невеста (супруга), патриарх, кесарь (Август), державнейший Гонорий, первосвященник Римский Иннокентий, собор иереев, домочадцы и рабы Евфимиана), Авраамий, Ефрем Сирий, Мария Египетская, Евфросиния Московская (упоминается в духовном стихе «Дмитровская суббота» как княгиня Евдокия [2]);

4) блаженные: Августин, Мария;

5) равноапостольный князь Владимир;

6) благоверные: Борис и Глеб, Дмитрий Донской.

Имеется интересный пример использования имени святого в нарицательном значении. В стихе «О преподобном Макарии» не воспроизводится житийная история, соответственно, неясно, какой именно Макарий имеется в виду. Упоминается обобщенный образ праведника, ведущего нравоучительный диалог с грешным человеком о спасении души: «А преподобныя Макарей пошел из пустыни, в мир он пошел православной» [2].

Агиографические персонажи представляют особый интерес, так как свидетельствуют о большой и многоплановой базе житийных сюжетов. Здесь и раннехристианские, и древнерусские святые, и фольклоризированные образы героев, попавших в народный репертуар из христианской семиосферы. Действующими лицами духовных стихов стали божьи угодники, церковные писатели и богословы, отцы и учителя церкви, христианские проповедники и просветители, аскеты, затворники и пустынники, раскаявшиеся грешники, ставшие праведниками, небесные покровители в различных жизненных ситуациях.

Наиболее многочисленную группу образуют раннехристианские святые, жившие в период с I по V вв.: папа римский Климент, Параскева, Николай Мирликийский, Варвара, Федор Тирон, Василий Кесарийский, Иоанн Златоуст, Августин, Василий Анкирский, Серапион Синдонит, Авраамий и Мария, Алексей человек Божий, Мартиниан и Зоя. Вторую, не столь представительную группу житийных персонажей, составляют русские святые XI–XV вв.: князья Владимир, Борис и Глеб, Дмитрий Донской, княгиня Евдокия, святитель Киприян. Исключены из старообрядческого репертуара произведения, связанные со святыми, канонизированными Русской православной церковью после раскола.

К апокрифическим можно отнести персонажей исходя из конкретной сюжетной ситуации, поскольку многие герои апокрифов упоминаются и в канонических текстах. В духовных стихах апокрифическое происхождение имеет архангел Михаил, фигурирующий в эсхатологических сюжетах в роли судьи на Страшном суде, в роли проводника Богородицы, показывающего мучения грешников в аду, наконец, в роли заступника в загробном мире. С апокрифом «Хождение Богородицы по мукам» связаны образы

Девы Марии и двух (трех) жидов из стихов «Со страхом, братия, мы послушаем»³, «Ходила дева по святой горе» [20, с. 18–19], трех дев из стиха «В воскресенье рано солнышко взошло»⁴.

К апокрифам восходят образы змееборцев духовных стихов: Федора Тирона из «Сказания о подвигах Федора Тиринина» и Егория Храброго (Георгия), связанного с легендой «Чудо Георгия о змие и о девице». Соответственно, сопутствующие главным героям персонажи также имеют апокрифическое происхождение: царь Константин Самойлович (Григорьевич) из «Федора Тирона», родной дядя Егория Федор Смоленский, царице Ондриянище и царевна Лисафея Алексеевна из «Егория Храброго», матери героев, змей как вражеский образ, богатыри в качестве фоновых персонажей.

Из «Сказания о двенадцати пятницах» в духовные стихи попала Параскева Пятница, имеющая сложный генезис, восходящий и к образу святой Параскевы и к языческой Мокоши.

Исторические персонажи духовных стихов можно разделить на две неравные группы. Первую образуют герои древнерусской истории. Это уже упомянутые житийные образы святителя Киприяна, князя Дмитрия, княгини Евдокии, фигурирующие в стихе «Дмитровская суббота», посвященном Куликовской битве [2]; князя Владимира и его сыновей Бориса, Глеба и Святополка из стиха «Восточная держава славного Киева града»⁵. В качестве фоновых персонажей в этих текстах упоминаются христиане и татары, бояре, воеводы. В целом, сюжеты, связанные с древнерусским периодом, не получили большого распространения среди староверов. В известных нам репертуарных сводах не были зафиксированы общерусские исторические стихи об Александре Невском, Михаиле и Федоре Черниговских и других героях.

Вторая группа представлена деятелями старообрядчества. Она отличается достаточной репрезентативностью как подвижников древлеправославия, так и их идеологических противников. Внутри группы «подвижников» можно выделить несколько подгрупп: 1) старообрядческие святые, 2) насельники выго-лексинского общежительства, 3) видные представители старообрядцев федосеевского толка, 4) страдальцы за веру и идеологи старообрядчества XX в.

Больше всего стихов посвящено святым, канонизированным старообрядческой церковью: священномученику Аввакуму, святителю Павлу, епископу Коломенскому; священномученице и исповеднице Феодоре (боярыне Морозовой), собору соловецких мучеников, пострадавших за веру во время осады монастыря в 1668–1676 гг.; святым божьим угодникам Аркадию и Константину Шамарским. За исключением последних, это были деятели начального этапа церковного раскола, поэтому они признаются всем старообрядческим миром. Братья же Аркадий и Константин проживали в Пермском крае в XIX в., сначала были беспоповцами часовенного толка, а затем перешли в поповское белокриницкое согласие; особенно широко почитаются уральскими староверами, будучи местночтимыми святыми.

Самым популярным героем старообрядческих произведений является протопоп Аввакум. Он выступает центральным персонажем пяти сюжетов: «В Даурии дикой пу-

³ Из рукописного стихарника Н. И. Козлова 1955 г., обнаруженного в г. Серебрянске Восточно-Казахстанской области у старовера-поморца Егора Яковлевича Неустроева.

⁴ Записан от уставщиков белокриницкой общины А. Емельянова и И. Мыльникова в 1996 г. в г. Бийске.

⁵ Из рукописного стихарника Пермякова 1915 г., принадлежащего старообрядцам-поморцам, обнаруженного в г. Минусинске Красноярского края в 2006 г.

стынной» [15, с. 16–17], «В тяжких узах в подземелье», «Он погиб за великое дело» [15, с. 10–11], «Расскажу я вам повесть печальную» [9, с. 275], «Укрепи меня, о Боже, на великую борьбу» (по поэме Д. С. Мережковского) [15, с. 71–72]. В двух стихах сопровождающим персонажем выступает (Настасья) Марковна, жена Аввакума, сопровождавшая протопопа в изгнании.

Весьма распространенный у староверов стих «Снег белый украсил светлицы» повествует о духовной дочери Аввакума боярыне Морозовой [15, с. 26].

Один из первых мучеников старообрядчества епископ Павел Коломенский упоминается в стихе «По грехом нашим на нашу страну», посвященном монахам, державшим осаду соловецкого монастыря [11, с. 353]. Кроме этого стиха, известного среди старообрядцев как «Плач соловецких иноков», соловецким угодникам посвящен еще ряд произведений: «Во кимвалех во Давыдских»⁶, «Во Москве было во царстве, во московском государстве» (вариант: «Как в нас в Москве было на базаре перебор был боярам») [11, с. 361–365], «Сядем, братцы, в круговую, установимся сейчас» [21, с. 104–105].

Следующая группа персонажей-деятелей старообрядчества связана с выго-лексинскими насельниками. Выго-Лексинский монастырь — крупнейший духовный центр староверов-поморцев, основанный в 1694 г. и просуществовавший до 50-х гг. XIX в. Героями стихов стали основатели Выговского общежительства, прославившиеся также своими богословскими и литературными сочинениями братья Андрей и Семен Денисовы, Даниил Викулин (Викулов) и Петр Прокопьев, киновиарх Выгореции конца XVIII в. Андрей Борисов, лексинский старшина Тимофей Андреевич, настоятель монастыря в первой четверти XIX в. Кирилл Михайлов(ич), благотворительница Наталья Кузьминична Галашевская. Фоновыми персонажами выступают пустынножители и лексинские девы. Преобладающим жанром выго-лексинских стихов является плач о почивших киновиархах. Наибольшее число стихов посвящено Андрею Денисову, у некоторых из них установлены авторы: это Иван Москвитин и постница Марина.

Персонажами нескольких духовных стихов стали представители федосеевского толка староверов-беспоповцев: основатель общины федосеевцев отец Феодосий (Васильев) (1661–1711), упоминаемый в стихе «Дорогой наш кормилец любимый, Феодосий, отец наш родной» [19, с. 84]; московский купец, основатель Преображенского кладбища и поселка при нем, настоятель общины Илья Алексеевич Ковылин (1731–1809), на погребение которого был создан стих «Егда убо всечестный конец успения твоего» [5, с. 65] и получивший наибольшую популярность в старообрядческих произведениях московский купец, попечитель Преображенской общины Федор Алексеевич Гучков (1777–1856).

Последний является фигурантом нескольких сюжетов, связанных с изгнанием Гучкова из Москвы в Петрозаводск из-за отказа перейти в единоверие, кончиной Гучкова и перенесением его праха из Петрозаводска в Москву. Широко известный в старообрядческой среде стих «Поздно-поздно вечерами» [15, с. 111–114] среди прочих имеет самоназвания «Стих узника Гучкова» и «Стих об изгнании Гучкова». Смерти Федора Алексеевича посвящен стих «Петрозаводская могила» («Там, где север хладный, бурный») Егора Корева [1, с. 3]. Стихи «Великий он был человек» и «Разнесся слух по всей столице» повествуют о перенесении тела Гучкова в Москву [9, с. 168].

Свидетельством отклика на актуальные события, связанные с гонениями на старообрядцев в советские времена, а также догматическими спорами внутри старообряд-

⁶ Из рукописного сборника духовных стихов Красноуфимского (IV) собрания Лаборатории археологических исследований Уральского государственного университета (ЛАИ УрГУ) (75р/314).

ческих толков, являются тексты, созданные в XX в., в которых упоминаются реальные лица.

Так, несколько стихов посвящено протоиерею Андрею Попову. Известно, что отец Андрей во время Первой мировой войны был одним из четырех старообрядческих священников, допущенных к служению при армейских частях. С 1918 г. началась его деятельность в Покровском храме г. Ржева; в 1930 г. его арестовали и приговорили к 5-летнему заключению. Во время Великой Отечественной войны вновь служил в Ржевском храме, в 1942 г. был убит фашистом [3]. В сборнике духовных стихов, подготовленном епископом Силуяном Килиным, изданным Новосибирской старообрядческой православной епархией, приводятся тексты четырех стихов, связанных с отцом Андреем. Два были написаны в 1928 г. В одном из них, сочиненном Е. Куричковым, протоиерей сравнивается с «могучим орлом», автор называет отца Андрея «могучим героем», «наемником земным», «наездником лихим», верно служащим Господу. Второй стих — это обращение к отцу Андрею его хористов: «Наш премудрый добрый пастьрь!» Третий стих создан в форме плача прихожанки храма, где служил отец Андрей, по случаю ареста протоиерея, называемого в стихе «учителем», «источником мудрых ревностных речей». Автором четвертого стиха «В день моего отъезда из Ржева» является сам Андрей Попов, сосланный в Талдом [15, с. 147–148].

Тема гонений развивается в стихе «В Чебоксарах в большом помещенье», в котором героями выступают «страдальцы Христовы двадцатого века», погибшие от рук «беринских агентов, злых палачей» 6 июля 1942 г. Стих написан по мотивам «Сказания об одиннадцати страдальцах XX в.», сочиненного в 1957 г. [14]. Подобное творчество напоминает создание старинных духовных стихов на основе апокрифов. Страдальцы в стихе не персонифицированы, они представлены как мученики, погибшие за веру и избавленные от земных истязаний встречей с ангелами небесными. Сказание же содержит конкретные имена, краткое описание жизни и христианских добродетелей участников тех страшных событий. Все они были представителями страннического толка, арестованными властями в доме странноприимника: Василий Иванович, Киприан Федорович, Аполос Трофимович, Магистриян Федорович, Федор Степанович, Александр Павлович, инокиня Агапия, Феозва Николаевна, Евстолия Евстафьевна, Хариесса Андреевна, Александра Федоровна [14].

С событиями местной истории связан ряд стихов из рукописного сборника Курганского собрания ЛАИ УрГУ (V.99/1406). Как отмечает Е. В. Рычкова: «Сборник содержит 8 историко-полемических стихов, касающихся в основном истории поморского согласия в Южном Зауралье в 10–20-е гг. XX в. и написанных в те годы неизвестным нам автором, современником событий» [10, с. 106]. Один из памятников — «Стих новый о раздоре, о Курганском соборе» — насыщен фамилиями, именами и прозвищами участников собрания: отец Василий Самарин, Мякинин Ипат жидовской адвокат, Михаил Чюваша да Колесовоский слепой Яша, Евстафий Диев и Раков, Банников, Хомутов, Нестер Данилов, Ульянов — всего около 30 онимов. Такая концентрация персонажей объясняется стремлением автора отразить мнение различных сторон по вопросу возможности совершения брака, полемика вокруг которого часто возникала между поморцами и представителями безбрачных толков, именуемых в Южном Зауралье бракоборами. Рычкова метко сравнила этот стих с «протоколом» Курганского собора [10, с. 109].

В исторических стихах довольно многоплановую группу составляют фоновые персонажи, представляющие старообрядческий социум: любезная братия, древлепра-

вославные христиане, верные миряне, старообрядцы. Они могут быть дифференцированы по согласиям: поморцы, феодосияне, бракоборцы (безбрачники), беспоповские.

Встречаются обобщенные образы, например, «старообрядец поморец» или «скорбный старец» как хранители древнего православия из духовного стиха «Любезная братия! Православныя христиане» [9, с. 252]. Необычными для старообрядческого репертуара персонажами являются в этом стихе царь-батюшка и царица-матушка, которых благодарит скорбный старец за указ о веротерпимости.

В исторических стихах староверов достаточно многочисленно представлена группа врагов ревнителей древнего благочестия. Наиболее упоминаемым среди них является Никон, награжденный такими характеристиками, как еретик, бес и т. п. Кроме него, в стихах фигурируют царь Алексей и его лжеучители, в Русь святую посланные; Андрей Плещеев — писатель XVII в., автор посланий к Аввакуму; царь Петр I, именуемый в стихах не иначе как антихрист; противораскольничий миссионер иеромонах Неофит, результатом дискуссии которого с выго-лексинскими киновиархами стали «Поморские ответы» («Си глаголют пустынножители Неофиту» [7, с. 521]); перешедший из федосеевцев в единоверие Павел Прусский (мудрый вопроситель; Австрии учитель) — адресат полемического стиха [21, с. 184].

Встречаются лица, связанные с локальными событиями, которые были известны лишь их участникам: поп Анфим из уральского стиха «Сумцам», настоятель Викул из уральского же стиха «О Дубровском соборе» [10].

Большую группу составляют фоновые персонажи, демонстрирующие многочисленность врагов старообрядчества. Это священники, (злые) никониане(ы), попы (нынешние), сектанты, арияне, унияты, католики, лжеучители, иконоборцы, англичане и басурмане, бритаустцы и табашники, обуховцы и сумцы — представители старообрядческих толков, с которыми полемизирует автор уральского стиха о недопустимости перекрещивания и о необходимости сохранения брака [10], безбожные судьи, беринские агенты. Мир врагов связан с членами официальной церкви и других конфессий, староверами иных толков, безбожниками, иностранцами, представителями государственной власти.

Среди врагов старообрядчества упоминаются в стихах и вымышленные персонажи: слуга Мартын, еканом Патап, отец Артем из «Сказа о табаке» [13]; папа Макар, казачок Оплетай, змиева дочь из «Стиха об иконоборцах дурачка Кириллушки» («В самом Риме я был») [21, с. 180].

У старообрядцев, помимо повествовательных, большое распространение получили бессюжетные лирические стихи-размышления, монологи-наставления, покаянные молитвы. Такого рода произведения, по словам П. Терентьевой, представляют «исповедальный жанр, обращенный как бы внутрь себя, к своей душе и совести, это разговор с Создателем, размышление о вечной жизни, требующее отрешения от земной суеты» [16]. Они звучат от лица лирического героя, сетующего на свое время, или кающегося в совершенных грехах. В этих «бесперсонажных» стихах персонажи все-таки присутствуют, но не в роли действующих лиц, а как безмолвные свидетели того, что происходит в жизни праведника или грешника; к ним взывает лирический герой в своих риторических обращениях, о них он вспоминает в часы раскаяния. Здесь можно выделить представителей как сакрального, так и земного пространств.

С сакральным миром связаны: Бог, упоминаемый во множестве номинаций (Боже, Благий, Владыко, Вышний Творец, Господь, Кормчий, Небесный Царь, Небесный Отец, Создатель, Судия Праведный, Судия-царь, Правитель неба и земли, Творец

Всеблагой); небесные силы (ангелы, архангелы, херувимы, серафимы); бесовские силы (бес(и), сатана, Вельзевул бесовский князь, змий, дракон, адский зверь, лукавый, семиглавый, сын сатанин, антихрист).

Мир земной представляют человецы(че) (люди, народ, племя), которые могут быть безумными, окаянными, убогими, грешными и, напротив, благонаравными, славными, великими, христоносными. Представители рода человеческого в стихах объединяются в определенные группы:

1) близкий круг: братья и сестры, сродники и сродницы, родные, семья, дети, дочь, сын, мать (мама, матушка), муж с женой, отец с сыном, мать со дщерми, друзи (дружина, другиня), товарищ;

2) враждебный круг: недрузи, поганые (т. е. иноземцы), агаряны(е), грешники и грешницы, девка-жидовка, нечистая блудница, лукавцы, кузнецы-воры, кабацкие ярыжки, беспечны попы, злодеи;

3) праведные христиане: древние (древлеправославные) христиане, правер(д)ные чада, люди добрые православные христианушки, постницы воздержныя, рабыни благочестивые, страдальцы Христовы, нищая братия, боголюбцы, благочестивые девицы, праведная дочь, милосердный самарянин;

4) монашествующие: монах (мних), инок, черноризец (черноризицы), чернец, старец (старцы, старицы), пустынный, отшельник, братия, отцы, отец архимандрит, клирошанин, привратник, причет, «игумены и экономы, икелари и казначеи, а с ними подкеларники и чашники и старцы монастырские кичливые» (Из стиха «О житье моем, житье клирошанина» [2])⁷;

5) представители разных социальных сословий: цари, князья (князи), бояре(ы), воеводы, воины, крестьяне, простые миряне, купцы и дворяне;

6) представители разных возрастных групп: младенцы, дети, отрок, младя юноши, девицы, старики, старицы, старый старичок;

7) обездоленные, нуждающиеся в сострадании: дитя, старушка, узник, заключенный, изгнанник, сиротка, сироты, бедный оборванный, вдовицы, нищие.

Некоторые персонажи приобретают значение образов-символов. Например, овцы — стадо Христово, агница — заблудшая душа; старуха — правда; странник — богоискатель; конь — юность; змей, дракон — сатана, антихрист; хмель, разгулявшийся в мужике-крестьянине, — пьянство и беспутная жизнь; антропоним Никон — вероотступник.

Во многих лирических стихах в роли персонажей фигурируют абстрактные понятия (правда, горе, смерть, душа) и природные объекты (солнце и луна, месяц со звездами, (мать)-земля, (мать)-пустыня), что свидетельствует о поэтизации мировосприятия. Персонификация нередко используется в отношении птиц: лирический герой обращается к пташке, голубям, соловью, кокушке со своими чаяниями, ведь птицы вос-

⁷ Обращает внимание особое распространение среди староверов сюжетов на тему монастырской жизни. Монах в них чаще всего предстает праведником, ищущим уединения от мира, однако встречается и другой тип этого героя — соблазненный мирскими прелестями кающийся монах, оказавшийся духовно незрелым и затем искренне сожалеющий о случившемся, взывающий к Господу о прощении. Об отношении старообрядцев к монашеству свидетельствуют высказывания старообрядческого священноинюка Евагрия, с которым нам удалось побеседовать в 2003 г. в Тыве: «Для мирян монастыри — самое святое... Миряне это плоть, а монастырь сердце... Миряну без иноку — это как хлеб без соли... Монастырь-то не в стенах, не в величии, а в самой сути, в иноческих уставах. Монастырь — это не то место, где люди живут, а само иноческое смирение, благочиние» [8, с. 210]. Подобное отношение к монастырям и их насельникам передают многочисленные духовные стихи из старообрядческого репертуара.

принимаются небесными посланниками. Неслучайно, эпитет «райская птичка» относится к числу устойчивых в духовном песнетворчестве.

Поскольку духовные стихи обладают выраженной дидактической направленностью, для них характерно использование парных персонажей, представляющих оппозицию праведность — греховность. Представим их примеры: души праведные и души грешные, грешная раба и праведная дочь, правда и кривда, согрешивший слезно плачущий инок и Господь, бес Зерефер и старец Антоний, Пятница Прасковья и неверный царь Макс, кающийся в грехах добрый молодец и Мать сыра земля, молодой юноша и старец, богаты и нищие, старообрядец и священник господствующей церкви.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Самую многочисленную группу составляют герои, происходящие из религиозной книжности. Они характерны для духовного стиха в целом. Специфическими старообрядческими персонажами являются участники получивших поэтическое осмысление исторических событий, связанных с расколом церкви. Персонажи старообрядческих стихов на всем протяжении их развития постоянно пополняются, что свидетельствует о стремлении ревнителей древнего православия вести летопись событий, включая в мировой и общерусский христианский хронограф эпизоды, связанные со староверием. Судя по персонажам, общерусская христианская история ограничивается XV в., ей уделяется не слишком много внимания в сравнении со старообрядческим периодом.

«Сказание об одиннадцати страдальцах XX в.» следующим образом объясняет появление в старообрядческих текстах новых героев, связанных с недавним прошлым: «Когда мы читаем жития и повествования о древних христианских мучениках, <...>, то у нас иногда возникает сомнение недоверия: не предукрашены ли, мол, жизнеописания их? <...> Но ничего подобного вы, читатель, допустить не можете, когда будете видеть жития страдальцев наших дней, <...> о них можно сказать: они дети одного с нами отца и овечки одного двора, а потому о них мы можем написать одну только истину без всяких прикрас и предувеличений» [14].

Однако реальные личности в духовных стихах утрачивают свою подлинность и превращаются в художественных персонажей, которых можно соотнести с определенными персонажными типами: мучеников, христианских просветителей и знатоков вероучения, пустынножителей, аскетов, божьих угодников, чудотворцев и противостоящих им гонителей, лжеучителей, вероотступников и т. д. Типизация позволяет персонажам из мира старообрядцев поставить в один ряд с библейскими героями и христианскими святыми. Тем самым, в духовных стихах совершается народная канонизация ревнителей древнего благочестия.

За счет типизации персонажная сфера старообрядческих памятников представлена не созвездием индивидуальностей, а выразителями идей вероучения, несущих понятную нравственную нагрузку. Из-за резкого противопоставления положительных и отрицательных героев духовные стихи отличаются выраженным дидактизмом. Персонажи общерусского духовного стиха, их поступки и связанные с ними сюжетные ситуации зачастую были известны слушателям по другим источникам (житиям, библейским текстам, апокрифам). Новыми при первом знакомстве могли быть только исторические лица, но и они постепенно канонизируются в народном восприятии и также переходят в число знакомых и понятных образов, поддающихся однозначной нравственной оценке.

Важнейшими персонажами-концептами старообрядческих стихов являются Бог, Богородица, Христос и апостолы, небесные силы, мученики, страдальцы, монахи и пу-

стынники, духовные стойки (хранители веры), принесшие покаяние грешники; из отрицательных персонажей — нераскаявшиеся грешники, антихрист и гонители христиан. Перечисленные типы персонажей представлены конкретными образами и номинациями, включая антропонимы.

По сути, все действующие лица духовных стихов фокусируются вокруг центральной жанрообразующей оппозиции праведность — греховность. При всей многочисленности персонифицированных в качестве метаперсонажей, аккумулирующих вокруг себя остальных героев, выступают праведник и грешник как выразители христианской аксиологии. Таким образом, персонифицированная старообрядческая духовная стихотворность отражает систему общехристианских ценностных координат и в то же время выступает способом религиозной идентификации ревнителей древнего благочестия и средством сохранения их этноконфессионального своеобразия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 А. С. К истории Олонецкой ссылки // Олонецкие губернские ведомости. 1905. № 47. С. 3.
- 2 Валовая М. А., Поздеев В. А. Духовный стих в Вятке // Вятское старообрядчество. URL: http://www.kirovold.ru/content.php?id=21&page=qgrusegn_rus (дата обращения: 24.02.2017).
- 3 Волоскова М. Отец Андрей Павлович Попов, протоиерей // Русская вера. URL: http://ruvera.ru/people/andreiy_pavlovich_popov (дата обращения 20.02.2017).
- 4 Духовные стихи Воронежского края / подг. текст. и сост. Т. Ф. Пухова, Т. В. Мануковская, А. А. Чернобаева. Воронеж: Научная книга, 2011. 284 с.
- 5 Кожурин К. Я. «Всеобщественный христианский ходатай» (к 200-летию со дня кончины И. А. Ковылина) // Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2009 год. СПб., 2008. С. 61–66.
- 6 Кудрявцева (Коробова) А. В. Духовные стихи как жанр фольклора: лекционный курс. М.: Издательские решения, 2016. 160 с.
- 7 Мальшев В. И. Отчет об археографической командировке на Печору 1958 г. // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 513–521.
- 8 Мурашова Н. С. Повествования священноинока Евагрия // Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири XVII–XX вв. Новосибирск: Агро-Сибирь, 2003. С. 194–221.
- 9 Рукописи XVI–XX вв. и книги старой печати из собрания Института истории СО РАН / сост. Н. Д. Зольникова, А. И. Мальцев, Т. В. Панич, Л. В. Титова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 395 с.
- 10 Рычкова Е. В. Исторические стихи зауральского старообрядца-поморца // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 16 (307). С. 105–109.
- 11 Селиванов Ф. М. Народные духовные стихи. М.: Русская книга, 2004. 552 с.
- 12 Селиванов Ф. М. Стихи духовные. М.: Сов. Россия, 1991. 333 с.
- 13 Сказ о табаке // Русская традиционная культура. URL: <http://russiank.ru/duhovn.php> (дата обращения: 22.02.2017).
- 14 Сказание об одиннадцати страдальцах XX в. // Credo.ru. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1283> (дата обращения: 22.02.2017).
- 15 Стихи религиозного содержания / собр. и подг. епископ Силуян (Килин). Новосибирск: Новосибирская старообрядческая православная епархия, 1992. 210 с.

- 16 *Терентьева П.* Что такое духовные стихи // Православная Москва. URL: <http://orthodoxmoscow.ru/chto-takoe-duhovnyue-stixi/> (дата обращения: 25.02.2017).
- 17 *Федотов Г. П.* Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М.: Прогресс; Гнозис, 1991. 192 с.
- 18 *Хазагеров Г. Г.* Персонасфера русской культуры: два свойства персонасферы // Новый мир. 2002. № 1. С. 133–145.
- 19 *Храмова Н. Б.* Духовные стихи и канты // Религиозный фольклор в архиве Центра фольклора ННГУ: указатель сюжетов. Н. Новгород, 2008. С. 49–238.
- 20 *Ярешко А. С.* Песни астраханских «липован» (записи 70-х гг. XX в.). М.: Композитор, 2007. 60 с.
- 21 *Filosofova T.* Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland. Best and auf nahme. Edition. Kommentar. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2010. 544 s.

© 2017. Natalya S. Murashova
Novosibirsk, Russia

SPHERE OF CHARACTERS IN SPIRITUAL VERSES OF OLD BELIEVERS

Acknowledgements: The paper is prepared with financial support from RFH, grant № 15-04-00113 “Spiritual verse in old believers’ traditional culture”.

Abstract: Spiritual verse as an art of artistic creation differs by its own sphere of characters which was vast expanded by Old Believers. The article aims to determine the sphere of characters of Old Believers’ spiritual verses in the context of the system of characters of All-Russian samples of outliturgical spiritual singing. The sphere of characters shows certain autonomy and self-sufficiency of the metagenre of the Old Believers’ spiritual verse. The Old Testament, the New Testament, hagiographical, apocryphal, and historical groups of personalities are considered. Specific for the repertoire of Old Believers are historical figures which were a party of the church dissension, however real personalities lose their authenticity through the changing into fiction characters which can be referred to different types of personalities: martyrs, Christian enlighteners and experts of doctrinal statement, wilderness-dwellers, ascetics, God-pleasers, wonder-workers, opposed to antichristian, false teachers, and renegades etc. The typification allows to bring the characters of Old Believers into line with Bible characters and Christian saints. A folk canonization of the Zealots of ancient Piety happens in spiritual verses. A righteous man and a sinner are metacharacters of spiritual verses. The whole sphere of characters flies around this contrary pair reflecting a value system and acting as a method of both the religious identification of the Zealots of ancient Piety and conservation of their ethno-confessional singularity.

Keywords: spiritual verse, Old Believers, sphere of characters, types of personalities.

Information about the author: Natalya S. Murashova — PhD in Art History, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Viluiskaya St., 28, 630126 Novosibirsk, Russia. E-mail: 2107542@mail.ru

Received: March 13, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 A. S. K istorii Oloneckoj sсыlki [The history of Olonets exile]. *Oloneckie gubernskie vedomosti*, 1905, no 47, p. 3. (In Russian)
- 2 Valovaja M. A., Pozdeev V. A. Duhovnyjstih v Vjatke [Spiritual verse in Vyatka]. *Vjatskoe staroobryadchestvo* [The old believers of Vyatka]. Available at: http://www.kirovold.ru/content.php?id=21&page=qqrusegn_rus (accessed 24 February 2017). (In Russian)
- 3 Voloskova M. Otec Andrej Pavlovich Popov, protoierej [Father Andrej Pavlovich Popov, archpriest]. *Russkaja vera* [Russian faith]. Available at: http://ruvera.ru/people/andreiy_pavlovich_popov (accessed 20 February 2017). (In Russian)
- 4 *Duhovnye stihi Voronezhskogo kraja* [Spiritual poems of Voronezh region]. Preparation of texts and compilation T. F. Puhova, T. V. Manukovskaja, A. A. Chernobaeva. Voronezh, Nauchnaja kniga Publ., 2011. 284 p. (In Russian)
- 5 Kozhurin K. Ja. “Vseobshhestvennyj hristijanskij hodataj” (k 200-letiju so dnjakonchiny I. A. Kovylina) [“Public Christian supplicant” (to the bicentennial of the demise of I. A. Kovylin)]. *Kalendar' Drevlepravoslavnoj Pomorskoj Cerkvina 2009 god* [Calendar of Ancient Orthodox Pomors Church on 2009]. St. Petersburg, 2008, pp. 61–66. (In Russian)
- 6 Kudrjavceva (Korobova) A. V. *Duhovnye stihi kakzhanr fol'klora: Lekcionnyj kurs* [Spiritual poems as a genre of folklore: Lecture course]. Moscow, Izdatel'skie reshenija Publ., 2016. 160 p. (In Russian)
- 7 Malyshev V. I. Otchet ob arheografichekoj komandirovke na Pechoru 1958 g. [A report on the arheographical trip to Pechora 1958]. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of old Russian literature]. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1960, pp. 513–521. (In Russian)
- 8 Murashova N. S. Povestvovanija svjashhennoinoka Evagrija [The narrative of hieromonk Evagrius]. *Problemy izuchenija jetniceskoj kul'tury vostochnyh slavjan Sibiri XVII–XX vv.* [Issues of the Study of Ethnic Culture of the Eastern Slavs of Siberia XVII–XX centuries]. Novosibirsk, Agro-Sibir' Publ., 2003, pp. 194–221. (In Russian)
- 9 *Rukopisi XVI–XX vv. i knigi staroj pechati iz sobranija Instituta istorii SO RAN* [Manuscripts of XVI–XX centuries and early printed books from the collection of the Institute of History SB RAS]. Compilers N. D. Zol'nikova, A. I. Mal'cev, T. V. Panich, L. V. Titova. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN Publ., 2010. 395 p. (In Russian)
- 10 Rychkova E. V. Istoricheskie stihi zaural'skogo staroobryadca-pomorca [Historic Old Believer verses of a Trans-Uralian Pomor]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no 16 (307), pp. 105–109. (In Russian)
- 11 Selivanov F. M. *Narodnye duhovnye stihi* [Folk spiritual verses]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2004. 552 p. (In Russian)
- 12 Selivanov F. M. *Stihi duhovnye* [Spiritual verses]. Moscow, Sov. Rossija Publ., 1991. 333 p. (In Russian)
- 13 Skaz o tabake [Tale of tobacco]. *Russkaja tradicionnaja kul'tura* [Russian traditional culture]. Available at: <http://russiank.ru/duhovn.php> (accessed 22 February 2017). (In Russian)
- 14 Skazanie ob odinnadcati stradal'cah XX v. [Tale of eleven martyrs of the XX century]. *Credo.ru*. Available at: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1283> (accessed 22 February 2017). (In Russian)

- 15 *Stihi religioznogo sodержanija* [Verses of religious content]. Collected and prepared by the Bishop Silujan (Kilin). Novosibirsk, Novosibirskaja staroobriadcheskaja pravoslavnaja eparhija Publ., 1992. 210 p. (In Russian)
- 16 Terent'eva P. Chto takoe duhovnye stihy [What are spiritual verses]. *Pravoslavnaja Moskva* [Orthodox Moscow]. Available at: <http://orthodoxmoscow.ru/chto-takoe-duhovnye-stihi/> (accessed 25 February 2017). (In Russian)
- 17 Fedotov G. P. *Stihi duhovnye (Russkaja narodnaja vera po duhovnym stiham)* [The spiritual verses (Russian folk belief in spiritual verses)]. Moscow, Progress; Gnozis Publ., 1991. 192 p. (In Russian)
- 18 Hazagerov G. G. Personosfera ruskoj kul'tury: dva svojstva personosfery [Personal sphere of Russian culture: two properties of "personosfera"]. *Novyj mir*, 2002, no 1, pp. 133–145. (In Russian)
- 19 Hramova N. B. Duhovnye stihy I kanty [Spiritual verses and chants]. *Religioznyj fol'klor v arhive Centra fol'klora NNGU: ukazatel' szuzhetov* [Religious folklore in the archive of the folklore Center of the Nizhny Novgorod University: index of stories]. Nizhny Novgorod, 2008, pp. 49–238. (In Russian)
- 20 Jareshko A. S. *Pesni astrahanskih «lipovan» (zapisi 70-h godov XX veka)* [Songs of Astrakhan Lipovans (records of the 70-ies of XX century)]. Moscow, Kompozior Publ., 2007. 60 p. (In Russian)
- 21 Filosofova T. *Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland. Bestand auf nahme. Edition. Kommentar* [Spiritual songs of the old believers in Russia. Inventory. Edition. Comment]. Cologne; Weimar; Vienna, BöhlauVerlag Publ., 2010. 544 p. (In German)